

ТАРСКИЕ КАХТИНЦЫ

Александр Жиров
историк, г.Тара

"Причудливы и неожиданны бывали порой судьбы сибирских купцов..."

Вадим Шахеров

"Реформатор из Иркутска"
("Земля Иркутская", 1994, № 1, с.9)

Носковы, Нерпины, Немчиновы — хорошо известные как в Забайкалье, так и во всей Восточной Сибири, купеческие фамилии. Сегодня уже не менее знамениты и фамилии их родственников и компаньонов, иркутских предпринимателей Котельниковых, Палолковых, Колыгиных, Чернядевых, Лаврентьевых, Осокиных и других, не говоря уже о Базановых, Трапезниковых, Сибиряковых и равных им столпах делового

Яков Андреевич Немчинов

вого Иркутска XIX в. Выявленные в сибирских архивах материалы показывают, как иногда самым причудливым образом переплетаются коммерческие и родственные связи, как порой неожиданно быстро складываются огромные капиталы и как они исчезают, переходя к непредприимчивым наследникам, но, что не менее интересно, эти материалы, кроме прочего, дают возможность составить представление о том, как и откуда появились купеческие фамилии, зазвучавшие на всю Сибирь.

Конечно, сведений подобного рода у нас в Сибири собрано не так много, как, например, в европейской России, где провинциальному купечеству уделено несколько больше внимания, где предприняты попытки

не только составить генеалогические сводки по наиболее известным фамилиям, но и выявить различия между центром и периферией, разницу между купечеством, живущим и действующим в ключевых центрах торговли и промышленности, и купечеством, занимающим нижние этажи в территориальном делении страны(1). Но, тем не менее, и у нас в Сибири быстро идет процесс накопления и осмысления фактического материала по известным и даже почти неизвестным предпринимателям XVIII — начала XX вв.(2)

Носковы, Нерпины, Немчиновы — эти фамилии кахтинских коммерсантов и промышленников объединяет, прежде всего, то, что все они вышли из маленького города Тары. Причем произошло перемещение всех трех фамилий примерно в одно и то же время — на рубеже 30-40-х гг. XIX в. Не ставя задачи докопаться до всех глубинных причин, заставивших молодых предпринимателей покинуть родной город, назовем только некоторые видимые побудительные мотивы этого решительного действия тарчан (именно так называют жителей 400-летнего города на Иртыше), которые связаны с социально-экономическими перспективами Тары начала XIX в.

Возведенный по царскому наказу "новый город", город-крепость выполнил отведенные ему очень важные функции: "Кучума-царя вконец истеснить", "соль устроить", "пашню завести".

Отряды тарских служилых людей под руководством воевод Елецких, Ивана Масальского, Андрея Воейкова били кучумовских улусников и в Черном городке, и в Тунусе, и у Ирменьского бора на Оби. Преемники первых тарских воевод выдерживали осады калмыков, умиряли восставших барабинских татар, помогали соседям укрепляться на новых местах, строили и несли службу в крепостях юго-востока Западной Сибири. В XVII-XVIII вв. Тара сыграла важную роль в укреплении как дипломатических, так и торговых отношений с южными соседями, народами степей современного Казахстана, Средней Азии. В самом городе поселились до трех десятков торговцев-бухарцев. Удобное положение на пути торгового тракта давало хороший прирост горожанам, которые имели возможность сбывать часть своих товаров проезжавшим купцам, занимались обслуживанием останавливаемых распутицей караванов и обозов, оказывали транспортные услуги, называемые извозом, кроме того, небольшая часть европейских и восточных товаров оседала в Таре.

Периодом наибольшего экономического подъема этого городка стали времена Екатерины II, Павла I и Александра I, выразившегося в относительно высоком благосостоянии горожан, строительстве (при населении не более 5,5 тыс. человек) шести каменных православных храмов, трех часовен и каменной мусульманской мечети. Это было время, когда Тара уже успела оправиться от удара, нанесенного городу и его жителям в 1722 г. и два-три последующих года коронной властью и сибирской администрацией, покарвавших строи-

Земля Иркутская. - 1997. - № 9. - с. 14-15.

тивных тарчан, не пожелавших дать присягу самому Петру Великому, издавшему указ о престолонаследии. Именно тогда стала известна в Сибири фамилия колонионерского тарского полковника Ивана Немчинова, разорванного пороховым зарядом на куски и растыканного по кольям, отчего и прозвали жителей "коловичами"(3).

Попытки выявить связь между полковником Немчиновым и представителями известного купеческого рода не дали пока сколько-нибудь значимых результатов. Уж слишком разбросанной оказалась информация, ни в одном из сибирских архивов она компактно не отложилась. Попытки найти архивы кяхтинских купцов приводили автора в Красноярск, где в начале века часть названных материалов попала в юдинскую библиотеку; в Иркутск, с которым связана жизнь Я.А.Немчинова, особенно в пору расцвета "золотых" дел; в Улан-Удэ, где в начале 90-х гг. научным сотрудником Национального архива Бурятии Л.П.Шаповой был уже изучен и описан личный фонд М.Ф.Немчинова. Не оказалось этих материалов и в библиотеке Конгресса США, куда в 1907 г. была доставлена библиотека Г.В.Юдина. Известный краевед Забайкалья Е.Д.Петряев, перекликаясь с настроениями других историков Сибири, с сожалением сообщал о трагической, в общем-то, судьбе исторической коллекции красноярского библиофила, которую развезли по всей стране (4).

Собранные в течение последнего десятилетия крупицы сведений об одном из самых богатых людей Сибири XIX в. Якове Андреевиче Немчинове воссоздают небольшой кусочек родословной этой фамилии. В музее рабочего поселка Большеречье обнаружил я два года назад чугунную плиту, лежавшую когда-то на могиле деда Якова Андреевича Семена Ивановича Немчинова. Могильная плита с Тихвинского кладбища была "выпахана" трактористом во время полевых работ почти в 70 км от места захоронения тарского мещанина. Подобные плиты были отлиты на Урале и доставлены в Тару Немчиновыми во время поездок на Нижегородскую ярмарку. Чугунная плита — хранитель наиболее достоверных и точных сведений о годах жизни не только С.И.Немчинова. Ее информация дает возможность установить или уточнить даты рождения других представителей не только этой фамилии, но и многих других фамилий, сведения о которых обнаружены в разнообразных архивных источниках (5).

У вышедшего из государственных крестьян Семёна Ивановича Немчинова и дочери тарского казака Якова Тетерина Екатерины было четверо сыновей и дочь. Яков Андреевич Немчинов был сыном младшего, Андрея Семеновича, и его супруги Анны Федоровны. Он родился 23 октября 1811 г. Родители, тарские мещане, имевшие скромные доходы от маленькой кожевни и мелочного торгова, представить не могли, какая судьба уготована одному из их сыновей.

Перенос сибирского торгового тракта в сторону от Тары и последовавший за этим экономический спад не сулили особых перспектив честолюбивым и достаточно предприимчивым молодым людям, пытавшимся как-то определиться в жизни. Воображение невольно рисовало в их умах далекую торговую слободу за Байкалом, о которой так много они уже слышали от своих земляков: купеческих приказчиков, ломовщиков, ходивших в обозах до Иркутска и даже до Кяхты. В Таре бывали Поповы, известные сибирские предприниматели, пионеры томского золота, здесь сложилась круп-

ные капиталы Нерпиных и Пятковых, поставлявших юфть тарского дела к китайской границе и торговавших разнообразными европейскими и китайскими товарами "во всех великороссийских и сибирских городах в розницу и оптом" (6). Торговали к тому времени на Кяхте тарские бухарцы Айтыкины. Стали довольно известными в этой торговой слободе и менее состоятельные тарчане. Неизвестный биограф Михаила Федоровича Немчинова, троюродного брата Якова Андреевича, сообщал о том, что подняться до уровня первогильдейцев последнему удалось хоть и "по заслугам", но, тем не менее, "через обожаемого добродетелями общего дяди Ивана Михайловича, которого помнит Кяхта и до ныне"(7). Бекишевы, Можантиновы, Нерпины и другие тарские купцы еще в XVIII в. поставляли к китайской границе пушнину в основном пользовавшегося большим спросом местного горностаея. Но со временем интенсивное наступление человека на природу внесло свои коррективы и в номенклатуру купеческих товаров. Василий Медовщиков завел первую в Сибири шляпную фабрику, Иван Нерпин пытался наладить выпуск грубошерстного сукна, но главным товаром все-таки стала, пусть и уступающая по качеству

Александра Григорьевна Немчинова

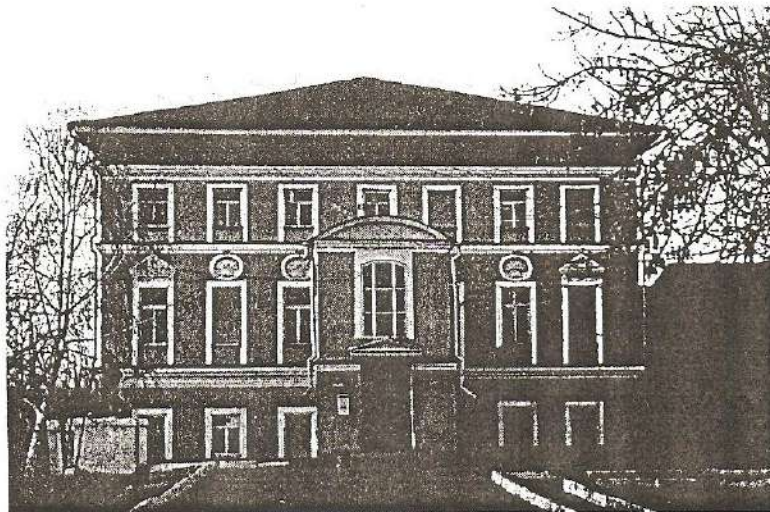
европейской, но дорогая и пользующаяся спросом в Китае, тарская юфть. Из 12 сибирских городов, поставлявших юфть к китайской границе, Тара была в числе лидеров, уступая в начале XIX в. только Тюмени, затем пропустив вперед Томск, а к середине века еще и Кунгур(8). Из 9 тысяч шкур, выделанных в 1809 г. только на заводах Ивана Нерпина и Бориса Пяткова, более 8 тысяч разошлись за пределами местного рынка, а большей частью были отправлены в Кяхту (9). Таким образом, уроженцы г.Тары Яков Андреевич Немчинов, Иван Андреевич Носков, Иван Алексеевич Нерпин, а позже Михаил Федорович Немчинов пришли в Кяхту проторенным путем.

Не удалось современной Кяхте сохранить многие материальные свидетельства активной деятельности, благосостояния и щедрой благотворительности бывших часторговцев и промышленников. Сгорели, порушены или перевезены в монгольский город Алтан-Булак особняки именитых кяхтинцев, осиротело смотрят на давно утихшую слободу потерявшие былой блеск сохранившиеся дома Синицыных, Коковиных, Лушниковых. "В одну и ту же реку не войти дважды", — рассуждал я, ранним утром перебираясь на месте некогда знаменитой плотины через речушку по уложенным поперек нее досточкам, обдумывал все, что рассказывали мне о попытках вернуть в Кяхту большую торговлю путем проведения международных торговых ярмарок. По песчаной дороге вдоль некогда благоухавшего сада, поднимая клубы пыли, неслись пограничные грузовики.

Сад стал обыкновенным пустырем. Уложив в тетрадку несколько дикорастущих цветков, побрел я мимо дома Лушниковых к собору и стоящему рядом с ним гостинице, превратившемуся в прядильную фабрику, охраняемую, но в то время отпустившую работников в бессрочный отпуск. В типовом каменном доме в трех десятках метров от стен гостиницы двора нашел Леонида Дмитриевича Посохова, рабочего-электрика, который двадцать лет назад поставил перед собой задачу воссоздать, хотя бы в моделях, облик семи церквей Троицкосавска-Кяхты прошлого века. "Чтобы и внукам можно было их показать", — так коротко формулировал он мотивы своего поступка. Попытки восстановить первоначальный облик великолепного Воскресенского собора пока и не увенчались успехом. Богатым кяхтинцам удавалось сохранять и украшать храм. Половина средств, поступавших в распоряжение священнослужителей от вложенных, по завещанию Я.А. Немчинова, в банк 20 тысяч рублей должна была использоваться на украшение, а другая — платиться им "за каждодневное поминовение покойного на могиле его краткими панихидами" (10). Само крепостное завещание известно в двух редакциях. В редакции 1889 г. называлась более скромная сумма — 5 тысяч рублей, с тем, чтобы проценты от них поступали на украшение и "поминовение за каждой литургией душ рабов божьих: завещателя, Александры, родителей и сродников...", а 10 тысяч рублей должны были быть вложены в кредитное учреждение на имя Воскресенской церкви, чтобы проценты использовались как плата священникам за "поминовение завещателя на могиле" (11). В редакции 1894 г. названа сумма в 15 тысяч рублей. В домашнем духовном завещании Андрея Яковлевича Немчинова, составленном 9 ноября 1894 г., появилась сумма в 20 тысяч рублей. "Находясь в здравом уме и твердой памяти, но, понимая, что продолжение моей жизни,

есть неисповедимая воля всевышнего", заблаговременно Андрей Яковлевич отписал эту сумму на счет той церкви "при которой будет похоронено мое грешное тело." (13). А похоронить завещателя, умершего в июле 1900 г., после получения срочной телеграммы из Читы от епископа Мефодия решено было в церковной ограде у стен собора (14). О Воскресенской церкви я упомянул не случайно. Исповедные ведомости этой

церкви за 1849-1859 гг. дают интересную пищу для размышлений. Все перебранные в Кяхту тарчаны не только сами со своими семьями бывали у исповеди, приезд их родственников и земляков также не обходился без посещения церкви. На пожелтевших страницах ведомостей имена тарских мешан: Алексея Александровича Рожина, Ивана Петровича Черкасова, Василия Александровича Немчинова, Федора Петровича

Немчиновский сиротинский дом
в городе Тара Омской области

Черняева, Александра Петровича Зубова, Николая Александровича Александрова, Михаила Ивановича Катова, Марии Карповны Немчиновой и других тарчан, посещавших в те давние времена далекую Кяхту (15). Содержание тетрадей для записи исповеди и причастия приводит к таким мыслям, связанным с жизнью и деятельностью некоторых именитых моих земляков. Их коммерческая и промышленная деятельность, равно как и общественная, благотворительная, культурная, заслуживают особого разговора, отдельных рассуждений о судьбе их почти невидимо исчезнувших, огромных, по сибирским масштабам, капиталов. Но сказать хочется несколько о другом. О традициях "родстволюбительства" и землячества, которых так не достает нам во времена великих переломов, общественных катаклизмов, духовных смятений. Рисуя портрет старого сибиряка, Валентин Распутин чутко уловил одну из его примечательных черт: "разбогатеет на мягкой рухляди и золоте, ... он умел не потерять чувства долга и вины перед местом своего рождения и обогащения. И платил всякий раз, когда требовалась поддержка в культурном и духовном строительстве, в попечительстве наукам и ремеслам, дабы не осталась Сибирь навсегда "полуношной страной" (16). Об этой характерной для Сибиряковых, Немчиновых, Пономаревых, Медведниковых, Игумновых и других сибиряков черте вспоминается каждый раз, когда обнаруживаешь все новые факты поддержки ими земляков, передачи части нажитого состояния родственникам не наличными, а путем вкладов в банки, с расчетом на использование передаваемых сумм в делах, а не на праздное расточительство. Воспитанный в духе, очень характерном для жителей маленького провинциального города, Яков Андреевич Немчинов поддерживал своих земляков до самой смерти. Приведем несколько примечательных фактов из его биографии.

В 1846 г. 77-летний его отец, “добрый, благородный, родстволюбительный и богопочитательный старец” Андрей Семенович Немчинов, уговорил его пристроить в Кяхте сына своего двоюродного брата, отставного солдата Федора Никитича Немчинова, Михаила. К тому времени Михаил уже сумел избежать рекрута, послужил у купца Василия Харлампьевича Мосеевского, изучил на практике не только все крестьянские дела, но и выучился делать домашнюю мебель. И хоть скопилось у него немного денег, их все равно не хватало на уплату за ходатайство и на подати, которые нужно было заплатить при переходе в мещанское сословие. “Отец выразился, что продаст весь скот и последнюю его сивую кобылу, как проматерь его скотоводства и, сверх того, продаст последнюю рубаху и останется доволен тем, что сын, его солнце, останется при нем”(17). Но у молодого Михаила Немчинова стали рождаться “идеи соискательства прочной будущей жизни”, а о родном городе он мог сказать только то, что “он глуховат, беспромышленен и, кроме сельских работ, в будущем... ничего не представляет”. Родителям он сообщил, что много слышал о Кяхте, которая зовется “золотое дно” и где только ленивый не может разжиться, “примкнув при этом, что если бы он уехал в Кяхту, то всеми силами постарался бы выучиться и трудиться для поддержки их и для своей будущности”(18).

Приняв предложение троюродного брата и его компаньона купца Александра Котельникова, 11 декабря 1846 г. с обозом, руководимым старшим братом Я.А.Немчинова, Николаем, Михаил Немчинов выехал из Тары. В теплом “меховом куртике”, серых суконных штанах, овчинной нагольной шубе, тумачке вместо шапки, в собачьих мохнатках на руках, с мешком напеченных матерью коралек и витушек отправился он в дальний и рискованный путь, зная, что тарские мужики, выезжая на санях до Иркутска, после крещенских морозов, возвращались уже на телегах только к покосу. Покорившись судьбе, он должен был пройти этот путь, руководя четырьмя лошадьми, запрягая и выпрягая их на каждой станции. Благодаря приобретенным навыкам и своей расторопности, умению ладить с людьми, мальчиком по годам, но возмужавшим в понятиях, прибыл он 14 апреля 1847 г. в знаменитую Кяхту. Скоро “приобрел ласки хозяина”, Якова Андреевича, познакомился с торговой слободой, постепенно узнал людей. 11 июня, отправившись на Нижегородскую ярмарку, оставил его Яков Андреевич экономом при доме,

что дало возможность иметь достаточно много свободного времени, читать, каждый день бывать на гостинном дворе, знакомиться с артикулами поступавших к границе товаров, знакомиться с правилами чайной торговли. В гостинном дворе удалось молодому Михаилу Немчинову быстро сойтись с ведущими большие дела Лебедевскими, Тихомировыми, Котовыми, Мартинским, Новиковым, доверенным Соколовым. Удалось до приезда хозяина совершить несколько небольших торговых сделок, “поспекулировать”. Закупив весь корень сансапарель по 6-10 рублей за фунт, без малого 300 фунтов, продал он этот корень по 12 рублей за фунт. Яков Андреевич, вернувшись через 4 месяца, застал Михаила не таким мужиком, как оставил. Перед ним предстал изменившийся и внешне и в познаниях секретов купеческого дела молодой человек. В широких плисовых штанах, алой рубахе, красном с кистями кушаке, в плоской фуражке с кисточкой и прочих нарядах, позволить которые в Таре могли себе даже не все богатые мещане, он, видимо, сильно нравился себе, смело брался за все поручения хозяина и выполнял их с завидным проворством. Тогда и решил Я.А.Немчинов дать ему доверенность на ведение дел от своего имени. 18 февраля 1848 г. была составлена не-

обходимая бумага, и началась для М.Ф.Немчинова полная забот, неожиданностей, борьбы полоса познания секретов предпринимательского дела. Эти восемь лет службы у Я.А.Немчинова были той коммерческой школой, которая дала Кяхте еще одного комиссионера чайной торговли, а впоследствии — известного промышленника, получившего немало патентов и высоких наград за образцы кож, войлока, мыла, за “полезные действия” и “За усердие”...(19).

В 1863 г. хорошо знавший Я.А. и М.Ф.Немчиновых по своей прежней службе в Кяхте Тобольский губернатор А.И.Деспот-Зенович обратился лично к ним за помощью, необходимой для ликвидации последствий губительного наводнения в северной части губернии. Известные ему “своею благотворительностью и готовностью на всякое общественное дело” уроженцы г.Тары Тобольской губернии тут же пришли на помощь землякам(20).

О благородных поступках Немчиновых помнит земля Иркутская. Это и 6 050 рублей из общей суммы в 10 тысяч рублей, собранной на разбивку Интендантского сада, пожертвования на строительство Успенской церкви Вознесенского монастыря, второго и третьего зданий иркутского театра, новых каменных корпусов

Успенская церковь в Кяхте, выстроения в 1884-1888 г. на средства Я.А.Немчинова

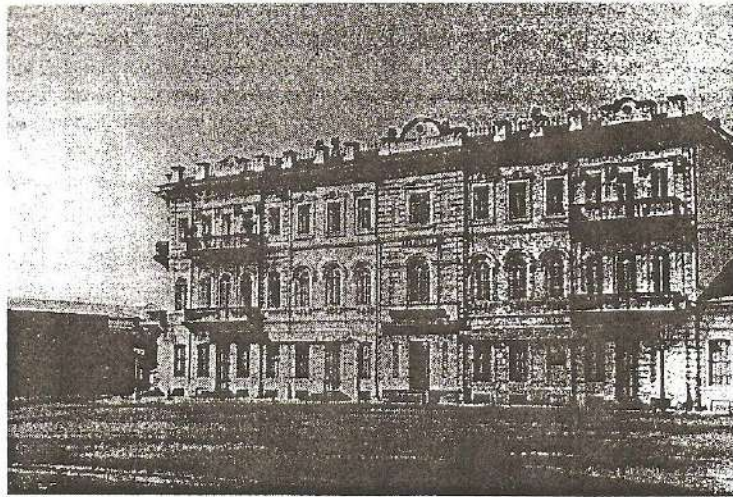
Кузнецовской больницы, предназначенных для размещения в них душевнобольных, выделение 50 тысяч рублей на помощь пострадавшим от пожара 1879 г., и многое другое. Достаточно сказать о том, что дочь Якова Андреевича Христина Яковлевна Колыгина вместе с братом Андреем Яковлевичем открыли в Иркутске просуществовавшую более 20 лет Иаково-Александринскую общину сестер милосердия, названную так в память об отце и матери. Дома же Немчиновых, Колыгиных, Котельниковых, Пахолковых служили и уже вторую сотню лет продолжают служить городу.

Оставили своей благотворительностью добрую память о себе Немчиновы в Бодайбо, Верхнеудинске, Селенгинске, других местах Забайкалья. Но, поскольку в данной публикации хотелось сосредоточить внимание на помощи родственникам и землякам, приведу еще несколько примеров. В пору расцвета собственных сил и удачно складывающейся коммерческой и промышленной деятельности задумал Яков Андреевич помочь родному городу и его жителям, желавшим открыть собственное дело, но не имевшим возможности получить дешевый кредит. На 21 апреля 1875 г., в день именин его супруги Александры Григорьевны, назначено было открытие в Таре сиропитательного заведения с ремесленными классами и городского общественного банка. Своему брату, Николаю Андреевичу, зятю Василию Ивановичу Серебренникову и Михаилу Федоровичу Пяткову выделил Яков Андреевич 10 тысяч рублей для производства ремонта приобретенного в казне трехэтажного каменного дома Нерпиных. Это был редкий случай, предоставивший землякам возможность еще раз встретиться с миллионером Немчиновым. Они, задолго до его приезда, стали готовиться к встрече. Со всей округи собралась нищая братия, обыватели, поджидая гостей, рассуждали о том, где же предпочтет остановиться именитый гость — в доме зятя или родительском. Немчинов прибыл с супругой, четырьмя незамужними дочерьми, сыном и несколькими слугами, остановился в родительском доме. Всех пришедших, а шли к нему с поздравлениями «все, у кого не было стыда», одаривал кирпичом чая, несколькими аршинами ситца и 5-ю рублями. Всех поражало, как миллионер «сыплет деньгами»: отдавая «за станок 25-30 рублей», не торгуясь; посылает телеграммы не сокращенно, а полным текстом по 200 слов и более; а учителю, «простому старикашке», платит 4 тыс. в год «на всем готовом» (21).

В этот же приезд Александрой Григорьевной заведен был в Таре приют для бедных, а Яков Андреевич подновил иконостасы в трех церквях и выделил средства на ограду для «Немчиновского места» на Тихвинском кладбище и строительства часовенки при клад-

бишенской церкви. По просьбе одного из тарских купцов, Ивана Ефимовича Щербакова, оказал материальную помощь местному женскому училищу. Просто и сочувственно расспрашивал он местных учителей, как устроены городские училища, как одеваются дети в морозы, далеко ли им приходится ходить до дома, и, разговаривая с ним, учителя забывали о том, что ведут

беседу «с таким миллионером». В день открытия приюта после принесения и отнесения икон Богородице-Казанской церкви около 150 приглашенных, русских и татар, сели за столы, накрытые в двух комнатах верхнего этажа. Сам Яков Андреевич и его семья почти не присаживались, прислуживали за гостями. Гремел казачий оркестр Быкова, и пел хор омских музыкантов, специально приглашенных по

Дом Я.А.Немчинова на Ивановской площади в Иркутске.
Фот. П.А.Милевский, ОРК НБ ИГУ

такому случаю. Торжество закончилось в три часа ночи. Полсотни воспитанников получили возможность обучаться грамоте и ремеслам в Немчиновском заведении, ставшем достопримечательностью города. Совет учебного заведения признал «действительно способствующими к развитию городской ремесленной промышленности» обучение девочек выделке ковров, шитью, вязанию и огородничеству, а мальчиков — портняжному, столярному и сапожному делу. В начале XX в. по заказам жителей мастерские изготавливали домашнюю мебель, шили сапоги и лосиновые рукавицы, а в годы гражданской войны мастерили лыжи, в том числе для бомбометов и пулеметов.

Добрую службу начинающим предпринимателям сослужил общественный банк Я.А.Немчинова. Полученные кредиты позволили одним начать свое дело, другим его расширить. От 5 до 10 тысяч рублей банковского кредита получали в разные времена кожевники Вихляев и Иноятов, колбасник Сутин, пароходчик Двинаренко, владелец паровой мельницы Ярков, купцы Алексеев, Шанский, Калижникова, Щербаков, Мезенцев, Михайлов, Макаров и другие. Всего в пользу Тары Немчиновыми вложено более 120 тысяч рублей. А в Кяхте они пригревали, оказывали помощь начинавшим тарским предпринимателям. В их доме бывали И.Н.Канаревский, И.Е.Заливин, В.М.Франецкий, Ф.П.Черняев, М.И.Неклюдов, С.И.Верещагин и многие другие тарчане.

Следуя семейным традициям, желая оставить в сердцах земляков память о своих близких, вносил Я.А.Немчинов вклады на имя многих церквей с условием, чтобы получаемые с них проценты использовались священнослужителями как плата за поминовение имен усопших. Только в условии, обозначенном на обороте банковского билета в 1 тысячу рублей на имя Градо-Тарской Тихвинской церкви, перечислено 58 имен «усопших рабов божьих», «младенцев», «срод-

ников их" (22). В уже упомянутом предсмертном завещании Яков Андреевич "отказал движимое и недвижимое имущество, участие в золотых приисках "Кампании Промышленности", "Прибрежно-Витимской кампании", пароходстве по рекам Лене, Витиму, Ангаре и оз. Байкал, денежные капиталы, находящиеся в разных местах Сибири и Европейской России..." в собственность единственного своего сына Андрея. Из заявленных 16 738 043 рублей 10 копеек (23) Андрей Яковлевич должен был произвести выдел сестрам, их детям, близким и дальним родственникам. Замужние дочери получали 400 тысяч рублей в собственность, 100 тысяч рублей вкладывались на их счета в банки с правом пользоваться только процентами, после их смерти эти деньги должны были поступить в собственность их законных наследников. Получили свои доли дети умерших дочерей: Иннокентий и Александра Корзухины; Дмитрий Лаврентьев; Александра, Екатерина, Евдокия и Елизавета, Иван и Николай Пахолковы. Таким образом, обеспечено было безбедное существование не только Иннокентия Андреевича, законного наследника Андрея Яковлевича, рано ушедшего из жизни, но всех десяти дочерей Якова Андреевича и Александры Григорьевны Немчиновых: Веры Осокиной, Екатерины Котельниковой, Александры Корзухиной, Анны Лаврентьевой, Анны Пахолковой, Надежды Черняевой, Елизаветы Пятковой, Христины Колыгиной, Марьи Петровой (Верховинской), Серафимы Синицыной и их законных наследников. Различные суммы, от 1 до 25 тысяч рублей должны были быть выделены детям покойной сестры Якова Андреевича Парасковьи Андреевны Серебренниковой, жене брата Николая Андреевича Марии Карповне Немчиновой, сыну покойного брата Ивана Михаилу Ивановичу Немчинову, жене одного из двоюродных братьев Василисе Михайловне и ее дочери. Не были забыты даже дети дочери покойного брата Семена Натальи Ременниковой. 3 тысячи рублей предписывалось разделить в случае, "если окажутся еще какие-либо родственники в Кяхте или Таре" (24).

Вдова старшего брата Мария Карповна Немчинова, прожившая остаток жизни в доме свекра, хорошо знакомом жителям Тары как "Немчиновское место", несмотря на то, что с 70-и лет осталась слепой, благодаря стараниям Якова Андреевича, своего деверя, ежегодно получала по 1 тысяче рублей содержания, имела горничную, кухарку и рабочего при доме (25). В небольшом селении Бутаковском, недалеко от Тары, Немчиновы постоянно поддерживали связь и материально помогали семьям своих родственников, Вахрушевым и Струковым. А когда в 1891 г. сгорела Никольская церковь, Я.А. Немчинов, узнав об этом, выделил средства на строительство новой. Получив известие о кончине Якова Андреевича, прихожане поклялись завершить строительство в течение 1894 г. К холодам церковь приняла прихожан, была отслужена первая служба. В одном из справочников о церкви сказано: "Прочна, вместительна и утварью достаточна" (26).

Нет в Иркутске Немчиновской улицы. Не знаю, насколько это справедливо, но то, что в родном его городе, в Таре, вновь появилась Немчиновская улица — это дань уважения и благодарности человеку, который своими добрыми делами увековечил свое имя.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Аксенов А.И. Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. — М., 1993; Брянцев М.В., Дубровский

А.М. Предметный мир провинциального купечества XVIII в. // Теоретическая культурология и проблемы истории отечественной культуры. Брянск, 1992.

2. Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири XVIII-XX вв. — Томск, 1994; Предпринимательство в Сибири. — Барнаул, 1994; Предпринимательство в Сибири: источники, историография и перспективы изучения. — Новосибирск, 1995; Тарская мозаика: история края в очерках и документах 1594-1917 гг. — Омск, 1994; Киселев А.Г. Миней Мариупольский и другие (50 омских капиталистов). — Омск, 1995; Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. (В четырех томах). — Новосибирск, 1994, 1995, 1996.

3. Тарские события 1722 г.: исследованы и описаны в трудах Н.Н. Покровского. — Новосибирск.

4. Петряев Е. Впереди огни. Очерк культурного прошлого Забайкалья. — Иркутск-Чита, 1968, с.229.

5. РФ БТМ. Книга городских обывателей г. Тары на 1792-1794 гг.; Книга городских обывателей г. Тары на 1819-1821 гг.; ГАОО, ф.16; ТФ ГАТО, ф.154, ф.156 и др. материалы.

6. РФ БТМ. Книга городских обывателей г. Тары на 1792-1794 гг., л.39 об.

7. НАРБ, ф.111, оп.1, д.137, л.3 об.

8. Копылов Д.И. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири в XVIII - первой половине XIX вв. — Свердловск, 1973, с.81-82.

9. ТФ ГАТО, ф.323, оп.1, д.346, л.61-64.

10. НАРБ, ф.177, оп.1, д.402, л.15; Сибирский архив, 1914, N 2, с.7.

11. Забайкальские Ведомости, 1889, N 16; Восточное обозрение, 1889, N 20.

12. Сибирский архив, 1914, N 2, с.76.

13. НАРБ, ф.177, оп.1, д.402, л.40.

14. Там же, л.39.

15. НАРБ, ф.177, оп.1, д.33, л.15об., 20об., 21-30, 43, 48 об., 49.

16. Распутин В. Сибирь, Сибирь... // Наш современник, 1988, N 8, с.43.

17. НАРБ, ф.111, оп.1, д.137, л.3 об.

18. Там же, л.4.

19. НАРБ, ф.172, оп.1, д.308, л.3,4.

20. Тобольские губернские ведомости. — 1863, N 28.

21. Степной край. — 1894, N 26.

22. ТФ ГАОО, ф.9, оп.1, д.299, л.35 об., 36.

23. НАРБ, ф.111, оп.1, д.109, л.23 об., 46.

24. Сибирский архив. — 1914, N 2, с.75.

25. ТФ ГАТО, ф.149. Материалы переписи 1897 г. по г.Таре Тобольской губ.

26. Голошубин И. Справочная книга Омской Епархии. — Омск, 1914, с.804.

